

УДК 332.14

DOI: 10.34670/AR.2025.77.21.025

Мезоуровень организации экономического пространства: что нового в модели пространственного развития 2030

Домнина Ирина Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент,

Ведущий научный сотрудник

Центр федеративных отношений и регионального

развития Института экономики РАН,

117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский просп., 32;

e-mail: indfin.61@mail.ru

Аннотация

В условиях нарастания градуса противостояния российской экономики внешним угрозам, появления новых вызовов пространственного развития актуализируются концептуальные вопросы управления экономическим пространством. Возрастает значимость обеспечения связанности территории через межрегиональное взаимодействие и сотрудничество субъектов федерации в рамках мезоуровня управления пространственным развитием, представленного макротерриториями. В статье показана трансформация места и роли макротерриторий в рамках новой модели организации экономического пространства, нашедшей отражение в стратегических планах пространственного развития на период до 2030 г. Определены наиболее значимые проблемы в отношении таких крупных территориальных образований как макрорегионы, федеральные округа, геостратегические территории, снижающие эффективность управления ими. На основе сравнительного анализа Стратегии пространственного развития на период до 2025г. и Стратегии пространственного развития на период до 2030г. с прогнозом до 2036г. представлена эволюция территорий мезоуровня в пространственной структуре экономики. Отмечена необходимость задействования потенциала макротерриторий в достижении национальных приоритетов через формирование нового экономического пространства, интегрирующего экономики регионов-участников, в том числе, на основе реализации проектов международной и межрегиональной кооперации.

Для цитирования в научных исследованиях

Домнина И.Н. Мезоуровень организации экономического пространства: что нового в модели пространственного развития 2030 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 8А. С. 241-253. DOI: 10.34670/AR.2025.77.21.025

Ключевые слова

Стратегия пространственного развития, макротерритории, геостратегические территории, модель пространственного развития, мезоуровень пространственной организации, экономическое пространство.

Введение

Новые направления реализации пространственной политики страны, представленные Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030г. с прогнозом до 2036г. не выводят из актуального поля зрения крупные формы пространственной организации экономики, относящиеся к объектам мезоуровня. Речь идет о *макротерриториях*, выходящих за административные границы отдельных субъектов федерации, представляющих собой оформленную часть социально-экономического пространства со специфическими условиями хозяйственной деятельности, особым статусом и очерченными границами,

Понятийный аппарат позволяет трактовать макротерриторию как общее экономическое пространство ряда административно-территориальных образований, как правило, граничащих друг с другом и имеющих более высокую степень социально-экономической, инфраструктурной, технологической, транспортной связанности по сравнению с иными субъектами федерации. В теории и практике пространственного регулирования к числу макрорегиональных образований относят: макрорегионы, макрзоны, федеральные округа, геостратегические территории.

Главными проблемами в отношении крупных территориальных образований до настоящего времени остаются размытость критериев их выделения и необоснованность целевых показателей развития [Михеева, 2025, 40]. Помимо этого, правовой статус территорий мезоуровня как части единого экономического пространства, по сути, не закреплён, о чем свидетельствует множество нерешённых вопросов в отношении возможностей их участия в управлении пространственным развитием в соответствии с основами государственной политики в сфере стратегического планирования.

Большинством экспертов и исследователей макрорегионы достаточно традиционно трактуются с точки зрения экономико-географического принципа и теории размещения производительных сил [Митрофанова, 2008, 30-40], «геостратегические территории» в свете интересов обеспечения национальной безопасности. При этом, в отношении макрорегионов авторами отмечается их многозадачность, а, скорее, отсутствие чёткого целеполагания, наличие различных подходов к их выделению и неудачный опыт макрорегионального стратегического планирования [Крюков, Селиверстов, 2022, с. 22-40], [Кузнецова, 2019, с. 112-125]. Специалисты консолидируются в отношении формальных признаков формирования и межтерриториальной неоднородности в границах макрорегионов [Лаврикова, 2023, с. 934-938]. А утверждение об отсутствии экономической основы, объединяющей регионы-участники в рамках геостратегических территорий, представляется вполне применимым и к другим макротерриториям.

Ранее нами было показано, что позиционирование *макрорегиона* как законченной части социально-экономического пространства нуждается в дополнительных факторах интеграции его в единое целое, к которым следует отнести, прежде всего, межрегиональные взаимодействия административно-территориальных образований в его границах [Домнина, 2024, с. 94] А *геостратегические макротерритории*, расположенные в границах федеральных округов, таких как Дальневосточный и Северо-Кавказский, а также в пределах Арктической зоны, представляют собой, скорее, совокупность субъектов Федерации, функционально объединённых своим географическим положением, специфическими условиями хозяйствования и задачами обеспечения национальной безопасности страны, но никак не целостной объект пространственного регулирования.

В отношении *федеральных округов* концептуальная проблема состоит в том, что, не будучи законодательно оформленными в качестве субъектов пространственного стратегирования, они фактически выступают в качестве таковых, поскольку в соответствии с Указом Президента РФ от 13.05.2000г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», наделены соответствующими полномочиями и ресурсами. Напротив, макрорегионы, включенные Федеральным законом N172 от 28.06.2014 "О стратегическом планировании в Российской Федерации" в число участников системы стратегического планирования, не располагают собственными финансовыми возможностями и институтами для реализации этих задач.

Приходится констатировать, что неопределенность статуса крупных территориальных образований как части экономического пространства и объекта пространственного регулирования является для них общей теоретической коллизией. *Отсутствие четкого понимания того, каковы экономические основания для «сцепления» регионов в рамках макротерриторий и каковы принципы идентификации последних, препятствует эффективному их использованию в практике пространственного регулирования.*

В ходе модернизации пространственной структуры экономики направления развития федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны, геостратегических территорий определены Стратегией 2030 в качестве пространственных приоритетов страны. При этом концептуальная значимость решения вопросов повышения связанности экономического пространства и усиления межрегионального взаимодействия в границах различных крупных форм пространственной организации возрастает, поскольку современная философия социально-экономического развития во многом определяется нарастанием геополитических рисков и экономических ограничений.

Представляется важным дать оценку запланированным изменениям в отношении статуса мезотерриторий, степени их «включенности» в реализацию стратегических планов и их функциональных возможностей в условиях трансформации пространственной архитектуры экономики.

Макротерритории в пространственной концепции развития экономики до 2025г.

Модель пространственного развития 2030 определяет новые направления реализации потенциала экономического пространства с учетом барьеров развития и открывающихся возможностей более чем на десятилетнюю перспективу. Однако неопределенность ответов на вопросы, касающиеся целеполагания, органов управления и ресурсов, которыми располагают пространственные структуры мезоуровня в предыдущей Стратегии 2025, не позволила добиться всех запланированных целей ни в отношении макрорегионов, ни в отношении геостратегических территорий, ни в отношении тех преференциальных зон, которые могут быть отнесены к межрегиональным территориальным образованиям.

К территориям мезоуровня организации пространства, которые можно идентифицировать как макротерритории, в Стратегии 2025 следует, прежде всего, отнести *макрорегионы*, перечень которых определен согласно Приложению №2 Стратегии 2025. Представление о них давно сложилось в рамках экономико-географических исследований и территориального планирования. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской

Федерации на период до 2025 года» под макрорегионом понимается законодательно закреплённая часть территории страны, которая включает территорию двух и более субъектов федерации, где социально-экономические условия при разработке стратегических документов требуют определения отдельных приоритетов, целей и направлений развития.

Членение экономического пространства на макрорегионы имеет долгую историю, широко освещено в экономической литературе в связи с вопросами экономического районирования, народно-хозяйственного прогнозирования и нашло отражение в работах таких ученых как А.Г.Аганбегян [Аганбегян, 2019, с.165-181], А.Г.Гранберг [Стратегии макрорегионов..., 2004], П.А.Минакир [Минакир, 2021, с.7-15]. Идея деления экономического пространства на макрорегионы получила большое внимание как ее сторонников, так и критиков в ходе обсуждения Стратегии 2025 [Жихаревич, Прибышин, 2021, с.3-26].

Как уже отмечалось, начиная с 2014г. эти территории становятся участниками стратегического планирования в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где стратегии социально-экономического развития макрорегионов, как и стратегия пространственного развития Российской Федерации, отнесены к документам стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу. В рамках Постановления Правительства РФ от 8 августа 2015 г. № 822 "Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов" цель макрорегиональных стратегий определяется как сокращение уровня межрегиональной дифференциации входящих в их состав субъектов федерации.

Однако, несмотря на присутствие макрорегионов в рассмотренных выше документах стратегического планирования приходится констатировать, что нормативно-правовое регулирование границ макрорегионов, определение состава участников и предъявляемых к ним требований происходит в отсутствии четко сформулированной методической основы, что сопровождается изменением их числа и площади [Домнина, 2024, с.91-97]. В Стратегии 2025г. макрорегион как совокупность субъектов федерации, характеризующихся схожими экономико-географическими и социальными условиями жизни, а также наличием крупных межрегиональных инфраструктурных объектов, позиционируется, прежде всего, как часть экономического пространства, обеспечивающая потенциал межрегионального сотрудничества и связанность экономик участников.

Однако, здесь, как, впрочем, и в иных документах системы пространственного стратегирования, макрорегион выглядит как формальный элемент экономического пространства, логика управления которым не выстроена. *В стратегическом плане макрорегион рассматривается как площадка для достижения целей государственной политики регионального развития по сокращению диспропорций в социально-экономическом развитии субъектов федерации* [Домнина, Мезоуровень..., 2024, с.8].

Помимо макрорегиона крупной формой организации экономического пространства, которую можно отнести к категории мезоуровня управления и которая в Стратегии 2025 выступила в качестве новации, является *геостратегическая территория*. Она идентифицируется как часть экономического пространства со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности, в пределах одного или нескольких субъектов федерации, имеющая важное значения для обеспечения интересов национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Из общего числа геостратегических территорий, определенного в Приложении 4 Стратегии

2025, и представленного двумя подгруппами - «приграничные геостратегические территории» и «приоритетные геостратегические территории», единицами мезоуровня управления являются Дальневосточный федеральный округ и Арктика. И Дальний Восток, и арктическая зона – это макротерритории, охватывающие несколько субъектов федерации, и несущие особую нагрузку в обеспечении национальной безопасности и территориальной связанности.

Сложность управления ими как особой частью экономического пространства, нуждающейся в специальных методах и подходах к пространственному регулированию, вызывается такими обстоятельствами как географическая удаленность от центра страны и существенная внутрирегиональная дифференциация уровней социально-экономического развития расположенных здесь административно-территориальных образований. Так, например, разрыв между субъектами федерации Дальневосточного федерального округа по показателю валового регионального продукта на душу населения по данным за 2023г. составлял более 7,5 раз [Валовый..., www]. Это накладывает отпечаток на выбор их приоритетов и делает затруднительным квалификацию соответствующей части пространства в качестве целостного объекта региональной политики с едиными задачами [Домнина, 2020, с.130].

Итак, оформленные в качестве участников пространственного стратегирования территории мезоуровня представлены в Стратегии 2025 перечнем *макрорегионов* и частью *геостратегических территорий*. В отношении определения их статуса и места в организации экономического пространства можно констатировать, что целеполагание макрорегиональных и геостратегических мезотерриторий связывается, прежде всего, со сглаживанием меж- и внутрирегиональных различий уровней социально-экономического развития входящих в их состав субъектов федерации, в том числе, за счет усиления сотрудничества и координации планов их развития в пределах макрорегионов; а также за счет опережающего социально-экономического развития регионов, расположенных на геостратегических территориях, что отвечает интересам национальной безопасности страны.

Однако, ситуация с управлением социально-экономическим развитием на межрегиональном уровне в рамках *макрорегиона* как отдельной структурной единицы экономического пространства в стратегических планах пространственного развития до 2025г. концептуально и фактически оказалась неработающей. Макрорегион как таковой, будучи представленным лишь в инструментальном блоке Стратегии 2025, не стал самостоятельным объектом пространственного стратегирования. Правовое регулирование исходит из того, что программы развития выделенных двенадцати макрорегионов, покрывающих всю территорию страны, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13. «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», должны укладываться в границы соответствующих восьми федеральных округов с возможностью изменения границ последних. В результате стратегии социально-экономического развития макрорегионов фактически отождествляются со стратегиями федеральных округов.

В качестве исключения могут рассматриваться Дальневосточный регион вместе с Байкальским, располагающие собственной Стратегией социально-экономического развития на период до 2025 года. утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. N 2094-р, и Арктическая зона, также имеющая собственный стратегический план развития как отдельный объект регулирования экономического пространства, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645. Управление названными геостратегическими макротерриториями осуществляется специально созданным Министерством

Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, получившим законодательно оформленное Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2012 № 664.

Помимо этого, критерии, которые должны были использоваться для оценки вклада макрорегиона в достижения целей пространственного развития, носили чисто формальный характер, что подтверждается перечнем целевых показателей Стратегии 2025, выбранных для оценки результатов пространственного развития. Среди них нет ни одного, позволяющего измерить результаты межрегионального взаимодействия субъектов федерации в рамках макрорегиона [Стратегия 2025].

Инструменты управления *геостратегическими территориями* в Стратегии 2025 конкретизированы чуть больше. Более чем для половины регионов страны, названных геостратегическими и вызывающими наибольшую озабоченность с точки зрения интересов национальной безопасности страны, приоритетными направлениями развития становятся ликвидация ограничений развития магистральной и энергетической инфраструктуры, расширение трансграничного сотрудничества с сопредельными странами, усиление связанности экономики этих регионов с административными центрами соответствующих субъектов федерации, что особенно актуально для Арктической зоны и Дальнего Востока, применение специальных режимов хозяйственной деятельности, в том числе, территорий опережающего развития. Но приходится констатировать отсутствие общей модели, интегрирующей субъекты федерации, расположенные на геостратегических участках экономического пространства, в единое целое.

Подводя итог, отметим, что Стратегия 2025 не позволяет идентифицировать рассмотренные здесь *макрорегионы* и *геостратегические территории* в качестве самостоятельных участников пространственного стратегирования, Макрорегионы, хотя и представлены отдельным перечнем, но не обозначены как отдельная пространственная категории. В отношении геостратегических территориальных образований, очевидна все та же дилемма: имея целеполагание, не подкрепленное соответствующими институтами и инструментами реализации, этот элемент пространственной архитектуры экономики остается весьма декларативным.

Макротерритории в новой модели организации экономического пространства

Для оценки перспектив повышения эффективности управления экономическим пространством важно проследить динамику изменений тех элементов пространственной архитектуры экономики, которые можно отнести к категории мезоуровня организации пространства. Структурная модернизация экономического пространства в отношении макротерриторий, нашедшая отражение в Стратегии 2030, характеризуется следующими моментами:

- исключает *макрорегион* как отдельную территориальную единицу из числа участников пространственного стратегирования, отказавшись от перечня макрорегионов, представленного в Стратегии 2025. Под макрорегионом как частью экономического пространства теперь понимаются такие территориальные образования как федеральные округа Российской Федерации, Арктическая зона и новые субъекты федерации, то есть макрорегион становится общим назывным понятием для обозначения различных макротерриторий и несет иную смысловую нагрузку;

- субъекты федерации, сгруппированные *по федеральным округам* (ФО), представлены как

отдельный объект пространственного стратегирования, каковыми они не являлись в Стратегии 2025г. Это никак не способствует решению правовой коллизии, поскольку федеральные округа, до сих пор законодательно не оформленные как субъекты стратегического планирования в соответствии ФЗ № 172 от 28 июня 2014г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», теперь фигурируют как участники новой пространственной Стратегии. Ситуация неопределенности усиливается из-за того, что в соответствии с тем же законом включенная в систему стратегического планирования категория макрорегиона оказывается просто выведенной за рамки Стратегии 2030;

Помимо самой Стратегии в недавно принятом Плане ее реализации обозначена необходимость корректировок Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного, Северо-Кавказского, Сибирского федеральных округов, а также госпрограмм развития "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя", Арктической зоны Российской Федерации" [План, [www](#)];

- в качестве отдельного приоритета пространственного развития определяется *Арктическая зона Российской Федерации*, роль которой с учетом новых вызовов и возможностей использования потенциала этих территорий возрастает. В предыдущем варианте Стратегии место арктических территорий, наряду с дальневосточными, связывалось, в первую очередь, с решением конкретных проблем пространственного развития расположенных здесь приоритетных геостратегических территорий, например, таких как снятие инфраструктурных ограничений, развитие минерально-сырьевых центров, реализация интересов добычи углеводородов в морской акватории и др.

Концептуально Арктическая и Дальневосточная макрзоны в Стратегии 2025 не были представлены как целостный объект пространственного стратегирования или как устойчивое межрегиональное объединение, а лишь как совокупность регионов, функционально объединенных своим географическим положением, специфическими условиями хозяйствования и задачами обеспечения национальной безопасности страны. В новой пространственной модели Арктическому макрорегиону отводится значимая роль в обеспечении территориальной целостности и национальной безопасности страны, поскольку здесь реализуются масштабные ресурсные проекты, актуализирующие задачи развития инфраструктуры морских портов и промышленного освоения приморских территорий;

- количественно и качественно меняется состав *геостратегических территорий*: происходит отказ от деления их на приоритетные и приграничные территории; заметно сокращается их общее число; появляется группа геостратегических территорий, расположенных в новых регионах России, а именно в Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях, перед которыми стоят задачи интеграции в общероссийское социально-экономическое пространство и формирование макротерритории Приазовья к 2028г. В целом геостратегические территории в новой Стратегии пространственного развития на период до 2030г., исходя из организационных принципов их формирования, могут быть распределены по следующим группам:

- геостратегические территории, расположенные в административных границах конкретных субъектов федерации: Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области; Республика Крым; г. Севастополь; Калининградская область;
- геостратегические территории в границах федеральных округов, то есть крупные территориальные образования межрегионального характера: 11 субъектов РФ, входящие

- в состав Дальневосточного ФО; 7 субъектов РФ, входящие в состав Северо-Кавказского ФО;
- геостратегические территории в границах Арктической макрзоны, участники которой расположены в различных федеральных округах; 4 субъекта федерации и 47 муниципальных образований на территории еще 6-ти субъектов РФ, лишь частично входящих в эту зону;
 - отдельные муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, отнесенные к числу геостратегических территорий, расположенные вдоль государственной границы с недружественными странами.

В новой пространственной модели несмотря на количественные сокращения *роль геостратегических территорий в реализации национальных целей развития* качественно возросла. На фоне ожидаемого в 2021-2030гг сокращения в 6 раз объема внешней торговли с недружественными странами и одновременного роста оборота торговли с другими странами в 2,5 раза [Стратегия 2030, www], эти территории, в первую очередь, расположенные в границах Дальневосточного федерального округа и Арктики, расширяют свой функционал в части реализации трансграничного сотрудничества, повышения потенциала российской экономики, а также новых возможностей размещения центров промышленных роста.

Резюмируя, представим запланированную пространственную модернизацию в отношении территорий мезоуровня на период до 2030-2036 гг. следующим образом (см. табл.)

Таблица 1 - Эволюция места макротерриторий в стратегических планах пространственного развития Российской Федерации

Виды макротерриторий	Стратегия 2025	Стратегия 2030
Макрорегионы	<i>Приложение №2 (всего 12)</i> Центральный, Центральнo-Черноземный макрорегион, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский макрорегион, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский и Дальневосточный	<i>Как отдельная категория исключен, но употребляется для обозначения различных макротерриторий, таких как федеральные округа, Арктическая зона и новые субъекты федерации</i>
Федеральные округа	<i>Не представлены</i>	<i>Раздел IX (всего 8)</i> Дальневосточный ФО и Арктическая зона РФ; Приволжский ФО; Северо-Западный ФО; Северо-Кавказский ФО; Сибирский ФО; Уральский ФО; Центральный ФО; Южный ФО
Геостратегические территории	<i>Приложение № 4 (всего 47)*</i> <i>I. Приоритетные геостратегические территории РФ (всего 25);</i> Республика Крым;; город федерального значения Севастополь; Калининградская область;; субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе (7); ; Субъекты РФ, расположенные на Дальнем Востоке (11);; Субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую	<i>Приложение № 2 (всего 29)*</i> Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области;; Республика Крым;; г. Севастополь; Калининградская область;; Субъекты РФ, входящие в состав Дальневосточного ФО (11);

Виды макротерриторий	Стратегия 2025	Стратегия 2030
	зону РФ (4 субъекта РФ и 16 муниципальных образований на территориях еще 4-х субъектов федерации) [Указ №296] ; <u>II. Приграничные геостратегические территории РФ (всего 22)</u> ; Субъект РФ, граничащий со странами, входящими в Европейский союз, - Ленинградская область; Субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз (12); Субъекты РФ, граничащие с другими странами (7); Субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз, а также с другими странами или странами, входящими в Европейский союз (2); * <i>Без учета тех субъектов федерации, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований</i>	Субъекты РФ, входящие в состав Северо-Кавказского ФО (7); ; Субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону РФ (4 субъекта РФ и 47 муниципальных образований на территории еще 6-ти субъектов РФ) [ФЗ №193]; Муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, примыкающие к государственной границе с недружественными странами; * <i>Без учета тех субъектов федерации, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований</i>

Источник: составлено автором

Отметим, что макроэкономический подход к регулированию пространственного развития, опирающийся на принцип локализации хозяйственной деятельности, отраслевую спецификацию субъектов федерации, входящих в одну макротерриторию, претерпевает в настоящее время заметную трансформацию. Не позволяя идентифицировать их как некую отдельную закрепленную часть экономического пространства с определенной экономической моделью управления, в новых условиях он перестает быть достаточным основанием типизации территорий, и должен быть дополнен общим целевым проектом для субъектов федерации, составляющих одну макротерриторию.

Заключение

Превращение крупных территорий межрегионального характера как части единого экономического пространства в полноценный элемент пространственной организации экономики в новых условиях связано с преодолением проблем методологического и инструментального характера, не решенных в прежней Стратегии 2025г.

На основе проведенного анализа можно заключить, что наблюдаемая в настоящее время структурная модернизация экономического пространства характеризуется не только количественными, но и качественными изменениями. Речь идет о принципиальных изменениях в отношении макрорегионов и федеральных округов как участников стратегического планирования. Сохраняющаяся в отношении них методологическая неопределенность не позволяет на сегодняшний день однозначно развести эти территориальные образования как участников мезоуровня стратегического планирования. Стратегии 2030 отвечает на нее тем, что в новой модели пространственной организации *макрорегионы* более не присутствуют как

отдельная структурная единица экономического пространства, в то время как *федеральные округа* становятся ее полноценными участниками, основные направления развития которых оформляются специальным разделом, чего ранее не было

Можно констатировать, что особое значение приобретают *геостратегические территории*, расположенные в дальневосточной и арктической макрорегионах. поскольку новые вызовы пространственного развития, смена направлений международного сотрудничества и логистических маршрутов, существенно повышают их роль в реализации трансграничного взаимодействия с дружественными странами и в достижении национальных приоритетов развития страны.

Политика управления экономическим пространством на основе членения его на макрорегиональные образования в настоящее время наполняется новым контентом, о чем свидетельствуют, в частности, появление новых групп макротерриторий, объединенных целеполаганием и общими проектными решениями. В качестве таковых можно, например, рассматривать крупные *туристические макротерритории*.

Таким образом, концептуальные изменения в отношении макротерриторий и перспектив управления видятся в расширении потенциала и функциональных возможностей через формирование в их границах нового пространства развития, обеспечивающего рост международной и межрегиональной кооперации и создающего основу для экономической интеграции регионов-участников. Превращение потенциала макротерриторий в фактор экономического роста требует их спецификации как отдельного объекта стратегирования и управления экономическим пространством.

В новых решениях нуждается модель управления макротерриториями, позволяющая получить мультипликационный эффект от сложения конкурентных преимуществ региональных экономик. Преодолев ее декларативный характер и наделив соответствующими инструментами, в том числе, масштабируя имеющийся опыт использования цифровых платформ, возможно повысить эффективность мезоуровня управления экономическим пространством.

Библиография

1. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных приоритетов // Пространственная экономика. - 2019. - Том 15. №3. - С.165-181
2. Валовой региональный продукт на душу населения в 2023г. URL: <https://statbase.ru/data/rus-gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/> (дата обращения: 31.10.2025)
3. Домнина И.Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики. Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2020. - №6. - С. 126-141
4. Домнина И.Н. Макрорегиональное регулирование экономического пространства: функциональные задачи и проблемы реализации // Бизнес. Образование. Право. - 2024. - Вестник №3(68). - С. 91-97
5. Домнина И.Н. «Мезоуровень» организации экономического пространства: стратегическая повестка // Вестник московского университета им. С.Ю. Витте. 2024. - № 3 (50). - С. 7-13
6. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: Экономика и Социология. - 2021. - № 4(112). - С.3-26.
7. Крюков А.В., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. - 2022. - №5. - С. 22–40.
8. Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления. //Федерализм. - 2019. - № 4. - С. 112–125.
9. Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. Неоднородность экономического развития российских макрорегионов // Экономика региона. - 2023. - №19(4). - С. 934-948
10. Минакир П.А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // Пространственная экономика. - 2021. - № 2. - С. 7–15.
11. Митрофанова И.В. Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции // Национальные

- интересы, приоритеты и безопасность. - 2008. - № 8 (29). - С.30-40
12. Михеева Н.Н Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России // ЭКО. - 2025. - Том 55(3). - С.40-55.
13. План реализации Стратегии пространственного развития на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 августа 2025 г. № 2149-р. - URL: https://itpgrad.ru/upload/iblock/862/ctprcbykrew3ec7oonvxe5tce1yr9mss/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-11.08.2025_-2149_r.pdf (дата обращения: 07.11.2025)
14. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Ред. академик А.Г.Гранберг. - М.: Наука. - 2004. - 720с.
15. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019г. № 207-р. - URL: <http://static.government.ru/media/files/tUVAIqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 30.10.2025)
16. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (дата обращения: 05.11.2025)
17. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации" - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 03.11.2025)
18. Федеральный закон от 13.07.2020 N193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) "О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации"/. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/

The Meso-Level of Economic Space Organization: What's New in the Spatial Development Model 2030

Irina N. Domnina

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Leading Research Fellow
Center for Federal Relations and Regional Development
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
117218, 32 Nakhimovsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: indfin.61@mail.ru

Abstract

Amid increasing confrontation of the Russian economy with external threats and emerging new challenges of spatial development, conceptual issues of economic space management become more relevant. The importance of ensuring territorial connectivity through interregional interaction and cooperation of federal subjects within the meso-level of spatial development management, represented by macro-territories, is growing. The article shows the transformation of the place and role of macro-territories within the new model of economic space organization reflected in strategic spatial development plans until 2030. The most significant problems regarding such large territorial formations as macro-regions, federal districts, and geostrategic territories that reduce management efficiency are identified. Based on a comparative analysis of the Spatial Development Strategy until 2025 and the Spatial Development Strategy until 2030 with a forecast until 2036, the evolution of meso-level territories in the spatial structure of the economy is presented. The necessity of utilizing the potential of macro-territories in achieving national priorities through the formation of a new economic space integrating the economies of participating regions, including through the implementation of international and interregional cooperation projects, is noted.

For citation

Domnina I.N. (2025) Mezouroven' organizatsii ekonomicheskogo prostranstva: chto novogo v modeli prostranstvennogo razvitiya 2030 [The Meso-Level of Economic Space Organization: What's New in the Spatial Development Model 2030]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (8A), pp. 241-253. DOI: 10.34670/AR.2025.77.21.025

Keywords

Spatial development strategy, macro-territories, geostrategic territories, spatial development model, meso-level of spatial organization, economic space.

References

1. Aganbegyan A. G. (2019) Razvitie Dal'nego Vostoka: nacional'naya programma v kontekste nacional'nykh prioritetov [Development of the Far East: A National Program in the Context of National Priorities]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics] Vol. 15. No. 3, Pp. 165-181
2. Valovyj regional'nyj produkt na dushu naseleniya v 2023g. [Gross regional product per capita in 2023] <https://statbase.ru/data/rus-gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/> [Accessed 31/10/25]
3. Domnina, I.N. (2020) «Geostrategicheskaya territoriya» kak forma prostranstvennogo regulirovaniya ekonomiki. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj* ["Geostrategic Territory" as a Form of Spatial Regulation of the Economy]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences] No. 6, pp. 126-141.
4. Domnina, I.N. (2024) Makroregional'noe regulirovanie ekonomicheskogo prostranstva: funktsional'nye zadachi i problemy realizatsii [Macroregional Regulation of Economic Space: Functional Objectives and Implementation Issues] *Biznes. Obrazovanie. Pravo.* [Business. Education. Law] Bulletin No. 3 (68), pp. 91-97
5. Domnina I.N. (2024) «Mezouroven'» organizatsii ekonomicheskogo prostranstva: strategicheskaya povestka ["Meso-level" of the organization of economic space: strategic agenda] *Vestnik moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte.* [Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte]. No. 3 (50), pp. 7-13
6. Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. (2021) Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii kak rezul'tat vzaimodejstviya nauki i vlasti [Strategy of spatial development of Russia as a result of interaction between science and government Region] *Ekonomika i Sociologiya.* [Region: Economics and Sociology]. No. 4 (112), pp. 3-26.
7. Kryukov A.V., Seliverstov V.E. (2022) Strategicheskoe planirovanie prostranstvennogo razvitiya Rossii i ee makroregionov: v plenu starykh illyuzij [Strategic planning of spatial development of Russia and its macroregions: captive to old illusions] *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal]. No. 5, pp. 22–40.
8. Kuznetsova O. (2019) Alternativnye podkhody k opredeleniyu roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Alternative approaches to defining the role of Russia's macroregions in the public administration system] *Federalizm* [Federalism] No. 4, 112–125.
9. Lavrikova, Yu. G., Suvorova, A. V. (2023) Neodnorodnost' ekonomicheskogo razvitiya rossijskix makroregionov [Heterogeneity of economic development of Russian macroregions] *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. No. 19 (4), pp. 934-948
10. Minakir P.A. (2021) «Vostochnaya gosudarstvennaya social'no-ekonomicheskaya politika»: missiya (ne)vy'polnima? ["Eastern state socio-economic policy": mission (im)possible?] *Prostranstvennaya ekonomika.* [Spatial economy]. No. 2, pp. 7–15.
11. Mitrofanova I.V. (2008) Makroregion kak utverzhdayushhayasya forma territorial'noj institucii [Macroregion as an emerging form of territorial institution] *Nacional'nye interesy, priority i bezopasnos* [National interests, priorities and security] No. 8 (29), pp.30-40
12. Mikheeva N.N. (2025) Prioritetnye geostrategicheskie regiony Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Priority geostrategic regions of the Strategy for spatial development of Russia] *EKO* [ECO]. Vol. 55(3), pp.40-55.
13. Plan realizatsii Strategii prostranstvennogo razvitiya na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda (2025, August 11) [Implementation plan for the Spatial Development Strategy for the period up to 2030 with a forecast up to 2036] *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* [Order of the Government of the Russian Federation], (No.2149-r). https://itpgrad.ru/upload/iblock/862/ctprcbykrew3ec7oonvx5tce1yr9mss/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-11.08.2025_-2149_r.pdf (date accessed: 07/11/2025)
14. Strategii makroregionov Rossii: metodologicheskie podkhody, priority i puti realizatsii / Red. akademik A.G.Granberg. (2004) [Strategies of Russia's macroregions: methodological approaches, priorities and ways of implementation] *M.: Nauka.* [M.: Science], 720 p.

15. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (2019, February 13) [Spatial development strategy of the Russian Federation until 2025]. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Order of the Government of the Russian Federation] No. 207-r. <http://static.government.ru/media/files/rUVAqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (date accessed: 30/10/2025)
16. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda s prognozom do 2036 goda (2024, December 28) [Spatial development strategy of the Russian Federation until 2030 with forecast until 2036] Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Order of the Government of the Russian Federation] No. 4146-r. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/> (date accessed: 05/11/2025)
17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O suxoputny`x territoriyax Arkticheskoy zony` Rossijskoj Federacii» (2014, May 2) [Decree of the President of the Russian Federation "On the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation"] No.296. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377> (date accessed: 03/11/2025)
18. O gosudarstvennoj podderzhke predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii» (2020, July 13) ["On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation"] Federal'ny`j zakon [Federal Law] No. 193-FZ . https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/